

Старики.

Хранителями обычаев были старики. Не занимая никакой официальной должности в структуре казачьего самоуправления, они всегда играли громадную роль в общественном мнении, которое и было основой казачьей-демократии. Без одобрения стариков ни одно распоряжение атамана или Правления не выполнялось.

При словах «старики сумлеваются» или «дяды не велят!», вопросы отпадали сами собой.

Принимая какое-либо решение, Атаман обязательно советовался со стариками и заручался их поддержкой. Таким образом, не обладая никакими юридическими или законодательными правами, старики были памятью и совестью станицы и играли в ней значительную роль.

Обычно «в старики» выходили по заслугам и по возрасту. Это были люди в большинстве своем старше 63 лет. Именно к этому времени казак бывал уволен от службы и освобожден от всех войсковых повинностей, и по выборам на сходе не числится отставным казаком, т. е. освобождается и от денежных повинностей. Как правило, это были казаки крепких исправных семей, с достатком, где в их труде не нуждались, или заслуженные воины, жившие на пенсию.

Они составляли род законодательного собрания и службу постоянного наблюдения за жизнью и нравственностью станицы, воспринимая собственное свое положение как продолжение казачьей службы Богу и Отечеству, под которым подразумевались в первую очередь станичники или родные хуторяне, т. е. станичное общество.

Служба стариков состояла в том, что с рассвета до заката, когда на станичные улицы выходил караул, они при хорошей погоде сидели на майдане на специальной скамье у церковной ограды, а в ненастье и зимой — в станичном правлении. Внутреннее распределение обязанностей среди постоянного состава стариков никак не оговаривалось и устанавливалось само собой.

Поскольку служба стариков требовала полной самоотдачи, то немощные или неспособные от нее сами устранились. Таким образом, совет стариков действовал постоянно и непрерывно. Во время войны некоторые старики уходили из собственных домов и ночевали либо в станичном правлении, давая отдохнуть караульным, либо в церкви, где, сменяя друг друга; непрерывно молились. Занять место на скамье у церковной ограды мог не любой старик преклонного возраста, а только «дельный и толковый». Когда старик совсем слабел, он приходил изредка, встречаемый все года с

уважением и как равный. Скамья была небольшая, но до старости у казаков доживали только очень удачливые мужчины... В приграничных станицах во время нападения на станицы врага старики оставались на майдане, координируя боевые действия защитников, вселяя уверенность в победе своим невозмутимым спокойствием. Поскольку майдан и церковь находились в центре станицы, то при нападении старики погибали в числе последних защитников, как правило, в церковном алтаре, защищая святыню. Не отступали и не покидали станицу или хутор никогда. Так, старики нескольких станиц ушли на дно Цимлянского водохранилища, не покинув скамьи на майдане. Во время репрессий Гражданской войны красные расстреливали стариков в первую очередь, таким образом, сразу лишая станицу памяти, совести и веры...

Старики пользовались заслуженным уважением и искренней любовью. Они особенно щепетильны были в одежде, всегда опрятной и исправной. Приметой старика был посох, который являлся символом его положения. Старик обязан был быть приветлив, немногословен, значителен. Как правило, старики не курили вообще, и никто не мог закурить ни рядом с их скамьей, ни в церковной ограде.

Передвигались старики по станице мало, памятуя, что течение реки понятнее тому, кто неподвижно стоит на берегу, а не бежит за водою. В гости друг к другу ходили редко. Совместные отмечали только особо значительные даты. Поэтому, если по улице шел человек, опираясь на посох, ему уступали дорогу даже вооруженные казаки, ибо он скорее всего следовал по делу или по просьбе Атамана.

Общение со стариками требовало определенного знания правил вежливости. Младший никогда не обращался к старшему, без предварительного разрешения. Без разрешения стариков не мог сесть даже Атаман. При них казаки строевых возрастов, при погонах, стояли по стойке «смирно», нестроевых возрастов и без формы — сняв шапку.

На майдане старики вставали со скамьи только тогда, когда в церковь проходил священник или полный Георгиевский кавалер. Атамана и наиболее уважаемых людей приветствовали, приподнимая картузы.

Сесть на их скамейку мог только Атаман, что означало его желание что-то спросить у стариков или обратиться к ним с просьбой.

Часто совершали они своеобразные инспекционные посещения бедных, неблагополучных семей. Могли прийти в дом к богатому казаку с тем, чтобы попросить помощь для вдовы или средства на поддержание какого-нибудь предприятия, снимая с Атамана эту необходимую, но неприятную для него обязанность.

Особое отношение было у них к детям. Так, наиболее смышленного паренька старше 10 лет они могли пригласить «посидеть с ними на лавочке» несколько часов или день. Это бывало своеобразной наукой и означало, что старики видят в этом казаченке будущего хранителя обычаев. Часто экзаменовали детей на знание молитв, расспрашивали, как дела в школе. И если бывали удовлетворены ответом, то одаривали ребенка каким-нибудь нехитрым угощением или игрушкой: куском сахара, яблоком, конфетой, свистулькой или волчком.

Гостинцы эти брались, как правило, из того, чем одаривали стариков проходившие мимо казаки.

— Вот, господа старики, не побрезгуйте моим яблочком или пряниками... — говорил казак, неся фрукты или овощи от первого урожая в церковь. Старики всегда брали, но сами не ели, а раздаривали детям.

Старики могли взять деньги от казака, желающего «дать на бедных», и решали, кому из малоимущих или какой вдове деньги передать. В такие дома без гостинца не ходили.

Приход старика в дом бывал всегда событием: либо радостным, либо строгим предупреждением, после которого обычно следовал вызов к Атаману и наказание, в случае, если провинившиеся «прихоти свои и химеры» не оставляли.

«Отобедать» старики всегда отказывались, изредка соглашались (в знак особого расположения) выпить чаю, что для старика было поводом по мельчайшим приметам удостовериться, сыты ли дети, не обижают ли сироту, взятую в дом, и т. д.

Старики могли усовестить и устыдить. Они же могли ходатайствовать перед Атаманом о выдаче в ту или иную семью ссуды или иной помощи. О замечании, полученном от старика, ребенок был обязан тут же сообщить родителям, а взрослый — Атаману или священнику на исповеди.

Субординация выдерживалась строго. В мирное время возраст играл большую роль, чем воинское звание на войне и в службе.

Спеть песню или выпить вина старик мог только в окружении своих «годков» и никогда с младшими, если это специально не оговаривалось как поощрение молодым. Обуславливалось это еще и тем, что старики строго соблюдали все посты, а многие придерживались монашеского чина и не ели убоины вообще.

В собственном доме они бывали несколько удалены от семьи. По возрасту они могли быть прадедами, но хотя правнуки их обожали, сами старались своею стариковской любовью детей не обременять. Жили особняком в

отдельных комнатах или углах, питались отдельно, в семейные дела старались не входить, обременяя женщин только тем, что после бани сдавали им свое белье, получая чистое. Когда старик умирал, в траур погружалась вся станица. При несении гроба под левый угол становился Атамчи, под правый — старший сын.

Патриарх в доме жил на положении уважаемого, почитаемого постояльца, главою же семьи был Сам.

Он считался старшим. На нем, собственно, держалось все хозяйство и материальное благосостояние семьи. На положение старика он переходил либо по возрасту, либо "овдовев.

Распределение ролей в семье было ясным уже из того, как семья усаживалась за стол. Особенно строго это соблюдалось в Праздничные дни.